

Урок, который длится пять минут

Рустам Иванович Курбатов,

директор негосударственного образовательного учреждения «Лицей «Ковчег»-XXI»,
г. Красногорск, Московская область

• оценка знаний • работа в группах • страсть к общению • маршрутный лист •

Школа, где можно ходить на уроках

Неделю назад пришёл новый мальчик в 4 класс — Антон. Мама встречает его в конце дня: «Ну как новая школа?». Антон: «Тут на уроках можно ходить...»

«Ну, — подумал я, — как говорится, жизнь удалась; получилось что-то интересное: школа — не школа, но можно ходить на уроках...».

А вопрос важный. Ведь школа — советская или «современная», или даже «европейская» — с чего начинается? С того, что в течение месяца (опытным учителям достаточно двух недель) детей ничему не учат, кроме одного главного навыка и умения: сидеть неподвижно и слушать.

«Спина прямо, руки на парту, смотрим на меня...» Пока не отработан этот навык, ребёнок ещё не ученик, он ещё не осознал, какая *новая жизнь* для него началась, он ещё думает, что если хочется что-то сказать — можно сказать, хочется подвигаться — можно встать. Разве можно такому существу объяснить, что такое звуко-буквенный анализ?

«Теперь вы уже не дети, вы — ученики», — говорит учительница добрым, но строгим голосом. И шестилетнему это нравится: «Я уже большой! У меня пенал с разноцветными ручками. И настоящая школьная форма!» Для него это новая игра: сидеть за партой, поднимать руку...

На двадцать пятом году учительской карьеры понял, что я — слабый учитель. То есть не сильный. «А у вас в школе сильные учи-

теля?» — спрашивают родители. «Мне повезло, у нас в школе были сильные учителя...» — со вздохом вспоминают взрослые люди. «Сильный учитель» — это посильнее, чем «заслуженный учитель» или «отличник системы просвещения». На них держится школа!

Я не могу заставить детей сидеть неподвижно и слушать меня. Особенно в тех классах, где работаю не первый год. Вот приходят ко мне на урок шестнадцать юношей и девушек (в нашей школе классы небольшие) после окислительно-восстановительной реакции на химии, после «Бедной Лизы» на литературе, теоремы Виета на математике, после десятиминутной перемены, на которой кто-то успел всё-таки выбежать на крыльцо глотнуть воздуха (или покурить), но ещё до обеда (обед на следующем уроке, а процесс выделения желудочного сока уже начался) — так вот, приходят эти шестнадцать пубертатных существ и смотрят на меня. Что я им скажу?

После пяти часов сидения я должен потребовать от них ещё сорок минут неподвижного внимания.

Андрей снял свитер и уткнулся лицом в него — так легче переждать эти сорок минут; Глеб тихонько рисует на листочке свой выдуманный мир — он повзрослел и понял, что не надо провоцировать учителя; Никита смотрит усталым взглядом — у него, отличника, по истории «тройка», не знал, что такое кустарное производство; Вадим — единственный, кто ещё готов играть в футбол, и мой урок для него — скамья штрафников; Карина ещё не обсудила с Машей новую причёску Марины; а вот другая Ма-

ша, моя дочь, так рада, что она увидела папу и может с ним поговорить — и что? Сели — открыли тетради?

Они смотрят на меня — некоторые в надежде, что я смогу сегодня им сказать что-нибудь такое, что перебьёт урчание в животе, желание поиграть в футбол или просто желание поспать. И мне неловко от этих взглядов. Сейчас опять потребую тишины и внимания. Смогу ли я им сказать действительно что-нибудь важное? Трудно учить тех, кого любишь.

Неподвижность и запрет на разговоры — это два *имманентных свойства* школы. Без них школа невозможна — не мыслима. Как театр без сцены, больница без коек, армия без начальной строевой подготовки. Это и есть основа — сущность — школы как общественного института.

И все попытки «школьных реформ» и «гуманизации образования» — это лишь разговоры вокруг да около, разговоры, не задающие главного; ЕГЭ и профильная школа, наполняемость классов и интерактивные доски — вопросы второстепенные.

Вопрос первой степени — возможна ли такая школа, где детям разрешено двигаться и говорить на уроках?

В нашей школе нет «уроков». С монологами учителя у доски, с «беседой» со всем классом. Урок — это убийство времени.

У нас ученики на уроках не наблюдают за работой других, а работают сами. В группах или индивидуально.

Эта подборка текстов — о том, как организовать такую работу.

Молчать нельзя разговаривать

Очень простой и практичный вопрос — работа в группах на уроке. Никакой философии — чистая техника.

«ВАМ МАТ, ГРОССМЕЙСТЕР!»

11 лет назад, на гребне педагогической революции в стране, была создана наша шко-

ла. Вопрос о «политической ориентации» не стоял — разумеется, педагогика сотрудничества! Школа для ребёнка, раскрытие таланта, пробуждение интереса — эти слова всегда были для нас больше, чем рекламные слоганы. Мы верили в возможность другой школы: более доброй и человеческой. Отказаться от насилия, сотрудничать с ребёнком, видеть в нём личность. Но...

Но вот начинается урок, проверили отсутствующих и... что же делать нам с этой «личностью» на уроке? И не на уроке вообще, а во время — простите за прозу — опроса. Неприятное слово, отдаёт старой школой — но куда не денешься, при любом методе приходится иногда спрашивать ученика: что он прочитал в учебнике и что понял.

В старой школе было всё просто: «Сегодня к доске пойдёт...» Три-четыре ученика у доски за урок, ещё столько же — на первой парте, опрос на листочках, остальные — сидят и слушают. Порядок! Классика объяснительно-иллюстративного метода.

Но это противоречит нашим принципам! Никаких монологов у доски — мы будем говорить со всем классом! Это не «фронтальный опрос», нет! Это — беседа. Просто мы беседуем с классом.

И если учитель наделён такими качествами как хорошая реакция, чувство юмора, артистизм — всё идёт хорошо: и ученикам нравится, и ему не приходится стучать указкой по парте. Живо, активно, нескучно, но...

Но вместо ответов и мыслей — отрывки фраз и междометия (каждому на ответ не больше 30 секунд, дольше трудно «держать класс»). Вместо беседы с классом — обмен репликами с тремя-четырьмя наиболее реактивными учениками. Что делать другим, не слабым, а другим: медленным и неуверенным?

Говорить с двадцатью людьми сразу невозможно — это нарушение законов психологии. Но учитель, представляя себя Ботвинником на сеансе одновременной игры, делает это...

— Вам мат, гроссмейстер!

Мы отказались от традиционного опроса, как метода, несовместимого с идеалами гуманной педагогики, а так называемая «беседа» оказалась лишь пародией на содержательный разговор. Мы хотели вырваться на свободу — а нас зажали два монстра: Монолог у доски и фронтальный опрос.

«ЗАЧЕМ ОНИ ХОДЯТ В ШКОЛУ?»

«Педагогика сотрудничества» строится «от ребёнка»: от его потребностей и интересов.

В чём эти «потребности»? Не будем обманывать себя — в чём угодно, только не в учёбе. В начальной школе ребёнок учится, потому что это очень похоже на игру. Ученик старших классов учится, потому что надо сдавать экзамены. А подросток?

У подростка вообще нет никакого мотива учиться. Мы же не называем этим прекрасным словом — мотив — ожидание похвалы учителя или стремление избежать родительского наказания. Да, мы можем заставить подростка учиться, опираясь на страх и похвалу — но тогда не надо говорить о «гуманизме».

Потребность подростка? Не надо быть психологом, даже учителем средней школы — каждый родитель, *переживший* этот период жизни своего ребёнка, согласится с тем, что для него важно одно — общение.

Часовой «треп» по телефону, записочки на уроках, крики на перемене... Подросток ищет общения. Как высказался один психолог, специалист по подростковому возрасту: «Зачем они в школу ходят? Учиться? Нет. Они ходят общаться». Это даже не потребность — страсть к общению.

А что нужно нам, взрослым, в школе? Есть ли какие-нибудь потребности — не говорю «страсть» — у учителя? Чтобы ученики хорошо учились! Но когда ребёнок лучше понимает материал: если он просто сидит и слушает или если потом, вдобавок может проговорить услышанное: учителю, родителю, соседу по парте...

Итак, без эмоций — только логика. Ученику крайне тяжело сидеть тихо 40 минут, он хо-

чет разговаривать. О чём угодно, можно даже о теме урока, лишь бы разговаривать. Чтобы понять что-либо, полезно проговорить это вслух.

Но ученик на уроке должен молчать. Логика посильнее аристотелевой. Это школа, а не гулянье в ликейской роще.

Разрешим же ученикам на уроке разговаривать: обсуждать, беседовать, шептаться, шушукаться, иногда кричать, трепаться, подсказывать, говорить и проговаривать. Разрешим им делать на уроках то, что они хотят.

При этом не будем забывать о своей «выгоде» — пусть они говорят по делу.

КАК?

Какие вопросы можно обсуждать в группе? Любые: от пересказа параграфа до сложных ассоциаций. Особенно полезен пересказ. Ведь каждого не спросишь на уроке — так пусть пересказывают параграф соседу по парте, а потом один человек от группы сделает сообщение для всего класса. Для учеников робких и *несильных* (что одно и то же) это почти единственный способ научиться говорить. Не могут выступать публично — пусть выступают перед соседом по парте. Можно на обсуждение в группах ставить и более трудные вопросы, требующие догадки, нестандартных ходов.

Сколько человек должно быть в группе? Зависит от количества учеников в классе. Очевидно, что в классе не должно быть больше 4–5 групп, ведь надо выслушать ученика от каждой группы.

Сколько времени давать на обсуждение? Чем больше, тем лучше — пока не наговорятся и не начнут хихикать. Терпение! Ведь они выполняют вашу работу, самую монотонную и скучную — слушают пересказ параграфа.

Кого спрашивать после обсуждения? Конечно, «слабого» ученика (но чтобы никто не понял этого).

Как ставить оценку? Конечно, всей группе одинаковую. Скорее, это не пятибалльная

оценка, а отметка о прохождении определённого этапа работы — «зачёт».

Насколько постоянен состав группы? По крайней мере, на четверть — команда должна сработаться, чтобы возникло чувство ответственности, «чтобы стыдно было подвести друга».

ВОЗРАЖЕНИЯ

Дети шумят? Это от радости, что им дали поговорить. Привыкнут — успокоятся.

Не будут делать домашнее задание, надеясь на соседа? Может быть, в первое время, потом заработают «внутригрупповые механизмы регуляции». Проще говоря, ученики сами разберутся, кому и что надо делать.

Уравниловка? Приберегите несколько трудных вопросов и задайте их отличникам в индивидуальном режиме.

Всё так просто — но не получается? Да, может случиться и такое: учитель организовал работу в группах, всё сделал технически правильно, а дети вообще перестали работать. Почувствовали, что контроль ослаб — и перестали работать. Перечисляя правила организации групповой работы, упустили главное...

Если для Вас ребёнок, по определению, — существо ленивое, хитрое, уклоняющееся — ничего не получится. Не надо рисковать с групповой работой — дети совсем разболтаются. Работайте, как работали...

Такая работа получится у учителя, который доверяет детям, верит в то, что даже самый «слабый» ученик может и хочет быть успешным в учёбе. У учителя, для которого нет «хороших» и «плохих» учеников в классе, а есть те, которые уже проявили свои способности и стали «сильными учениками» и те, которые станут «сильными» потом. И работа в группах приближает это «потом».

ТУПИК ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Какими наивными мы были! Думали, что достаточно изменить стиль отношений в школе — не кричать на детей, не писать им в дневник красными чернилами замеча-

ния, называть их по именам — и школа изменится. Нет, одних разговоров в непридуманной обстановке, у окна, недостаточно. Просто «хорошие отношения», к сожалению, не меняют сущности школы. Это иллюзия, такая же, как «социализм с человеческим лицом».

Думали, откажемся от традиционного опроса — и дети раскрепостятся, начнут думать, будут свободно высказывать свои мнения на уроке. Думали, что и методики никакой специально не надо — сели, поговорили душа в душу, «побеседовали». Но не получается.

Методика не нужна, когда в группе 5, 6, максимум 7 человек. Тогда можно вести непридуманный разговор и смотреть каждому в глаза. Но когда больше — начинают работать психологические законы. Если это не хотеть признавать — оказываешь в тупике.

Потому что, отказавшись от педагогики насилия, но не выработав другой методики — техники урока, мы не можем организовать работу детей. Мы оказались безоружны и, осознав своё бессилие, вытаскиваем из чулана старое оружие старой школы: объяснение — закрепление — опрос. Это реванш. Реванш объяснительно-иллюстративного метода.

На смену педагогики насилия пришла педагогика бессилия, и это следствие того, что мы слишком долго говорили о гуманизме и «хороших отношениях», а не о технике урока.

Нужна другая техника, другой инструмент. Ремесленник выбирает инструмент в зависимости от задачи, которую ставит перед ним заказчик. Традиционная педагогика ставила задачу формирования «прочных знаний» — и альтернативы объяснительно-иллюстративному методу быть не могло. Какую задачу ставит перед нами педагогика сотрудничества? В чём суть этого «заказа»?

Учить ребёнка думать и переживать — учить мышлению.

Опирайтесь на добрые силы ребёнка, на его потребности и интересы — учить свободе.

С каким инструментом подступиться к этой работе? Необходимы другие методики

и приёмы. Работа в группах — один из элементов этой системы. Одна из техник, позволяющая установить на уроке обстановку сотрудничества. Причём, самая простая — для учителя и самая радостная — для ученика.

РАЗНОЦВЕТНАЯ МАТЕМАТИКА

Когда ребёнок (человек вообще) делает что-либо хорошо?

Тогда, когда он хочет это делать. Мы не знаем, что такое «хочет», какова природа «интереса», но ясно одно: по природе ребёнок активен и любознателен, а лень — лишь результат его «перегрева» учёбой. Вместо того, чтобы заставлять и организовывать, оценивать и наказывать, нам надо дать ребёнку возможность делать то, что он хочет; дать ему право выбирать работу — дать свободу, одним словом. И научиться использовать эту природную силу — детский интерес.

При каких условиях ребёнок (человек вообще) может научиться делать что-либо?

Тогда, когда он делает это сам. Не смотрит за работой другого человека, не слушает его объяснения, а делает сам. Делает сильную ему работу, а если надо, обращается за помощью. Только так можно научиться рисовать, лепить, решать математические задачки, хорошо писать, читать книги — научиться думать, одним словом. И вместо того, чтобы читать ребёнку лекции и заставлять его слушать ответы одноклассника у доски, надо дать ему возможность работать. Самому по себе или в маленькой группе, с соседом по парте.

Индивидуальная работа с карточками — это и есть такая форма организации работы, при которой выполняются оба эти условия.

С одной стороны, ребёнку предоставлена свобода. Не абсолютная, конечно, но возможность выбора уровня сложности задания. И от слов учителя: «Ты сам можешь выбрать себе работу...» некоторые вздрагивают. Для ученика, привыкшего к тому, что в школе он исключительно «должен», эта фраза имеет большой терапевтический эффект.

С другой стороны — ребёнку даётся возможность работать самостоятельно. И ес-

ли обычно на уроке две трети времени он зевает, наблюдая за работой своего товарища у доски, а оставшуюся треть — мечтает, глядя в окно во время объяснения нового материала, то здесь он работает сам: в одиночку или в группе (2–4 человека) и только изредка обращается за помощью к учителю.

Итак, ученик входит в класс, подходит к картотеке, выбирает карточку с заданием, садится за стол и начинает работать.

Что такое картотека? Весь курс математики разбит на достаточно крупные темы (2–3 недели на каждую). По теме существуют задания трёх уровней:

1-й уровень (зелёные карточки) — стандартные задачи, на выполнение алгоритма;

2-й уровень (жёлтые карточки) — более сложные задания, допустим, в несколько действий.

3-й уровень (красные карточки) — так называемые «нестандартные задачи». Допустим, придумать задачу и сделать карточку для своего класса или младших. Самая интересная и творческая работа.

На один уровень существует минимум 10 пронумерованных карточек. На каждой — задание примерно на 10–15 минут работы, чтобы ученик смог за урок выполнить 2–3 карточки. Они должны быть красивыми, на плотной бумаге — чтобы было приятно их взять в руку. Это очень важно для маленького ребёнка.

Карточки имеют ещё одно преимущество перед упражнениями в учебнике. Ребёнок радуется новому учебнику только первую неделю сентября — карточка не успевает надоесть. Учебник пугает своей бесконечностью — карточка даёт возможность получить быстрый результат. Не говоря уже о самой процедуре: ученик встал, подошёл к картотеке, сам вытащил карточку — большую, красивую... Положительных эмоций хватит, по крайней мере, минут на двадцать!

У каждого ученика — маршрутный лист, на котором он отмечает выполненные задания. Он может выглядеть, например, так:

Маршрутный лист

Математика

Заалишвили Аня

3 класс

Зелёный уровень	Жёлтый уровень	Красный уровень
----------------------------	---------------------------	----------------------------

- 1 Сложение двух-значных чисел
- 2 Сложение трёх-значных чисел
- 3 Сложение четырёх-значных чисел

В свободных клетках ученик ставит номера карточек, которые он выполнил.

У учителя — свой маршрутный лист. Например, такой:

Маршрутный лист

3 класс

Сложение двузначных чисел

Зелёный уровень	Жёлтый уровень	Красный уровень
----------------------------	---------------------------	----------------------------

- 1 Толстенко Максим
- 2 Заалишвили Аня
- 3 Харчиков Эдуард

В свободных клетках учитель ставит номера карточек, которые выполнил ученик.

Маршрутный лист — вещь посерьёзней, чем оценка.

Во-первых, результат нагляден.

Во-вторых, это не страшно (сам заполняешь!) и даже немножко азартно.

В-третьих, можно соревноваться только с самим собой, выбирая всё более сложные задания, а не с соседом по парте.

Учитель из лектора и контролёра превращается в организатора и помощника (менеджера, если угодно). Его задача — дать ученикам возможность работать (гарант рабочей обстановки на уроке) и оказывать помощь, если это потребуется.

Последние аргументы. Дети вбегают в класс за пять минут до звонка на урок: «у нас сегодня — карточки!» Все 40 минут работают, не отвлекаясь: не списывают с доски и не зевают — а именно работают, и никто не спрашивает об оценках. При этом каждый хочет взять задание посложнее.

И — финальный аргумент, как козырная карта — лёгкий стон со звонком с урока: «Уже конец?!»

Три цвета мастерской

Самое утомительное в школе — сидеть и слушать. Надо было бы сократить до минимума традиционный урок, когда учитель «разговаривает со всем классом» или кто-то что-то чертит на доске. И когда учитель жалуется, что не успевает, что не хватает часов, что невозможно работать без домашнего задания, хочется спросить тоном фининспектора: «А куда делось время? Как были истрачены часы?» Можно «дать» и 6, и 8 часов в неделю, но если это будут традиционные уроки — и этого будет мало.

Итак, время мастерской делится на три части (как круг на эмблеме «Мерседеса»).

ФРОНТАЛЬНАЯ РАБОТА. Учитель versus класс. Ставлю песочные часы: «Вот пять минут — поиграем в серьёзную школу: руки на парты, смотреть на меня и слушать!» Да, всё, как в школе, как на уроке, но урок длится 5 минут. Не шевелиться! За пять минут я должен сказать, что мы сегодня будем делать. А потом — работа! Честно говоря, за 5 минут не укладываемся. Ещё одна пятиминутка — в конце мастерской, чтобы подвести итог.

ТИХАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА. Каждый работает над своим заданием. Разные дети — разные задания, как правило, 2–3 уровней. Это время тихой самостоятельной работы. Есть вопрос — подними руку, я подойду. Звучит Вивальди, Бах или Моцарт.

РАБОТА В ГРУППАХ. 16 человек в классе, 4 группы по 4 человека. Говорить можно шёпотом. Трудно, особенно для учителя. Больше всего мешает ученикам на уроке работать... учитель. То он начинает на весь класс комментировать чью-то ошибку, а то

отвечает во весь голос на вопрос одного из учеников.

Итак, три периода мастерской. Маргарита Алексеевна магнитом прикрепляет к доске бумажные круги разного цвета:

КРАСНЫЙ — СЛУШАЕМ УЧИТЕЛЯ!

ЖЁЛТЫЙ — РАБОТАЕМ ТИХОНЬКО.

ЗЕЛЁНЫЙ — РАБОТАЕМ В ГРУППЕ и ГОВОРИМ ШЕПОТОМ.

Конечно, не строго на три равные части делится время. Но если бы нам удалось так организовать работу, дети меньше изнывали бы от неподвижного безделья. Работа в группах радует и даёт силы, индивидуальная работа тоже не изнуряет. А 10–20 минут из 80, когда «руки на парте», можно и перетерпеть.

И тогда не страшно расписание парами, по два урока. От чего или от кого устаёт ученик? От однообразия работы! А мастерская на три цвета — это вполне терпимо.

Учебный день ученика средней школы — 4 пары. 1 пара — искусство, физкультура. Остаётся три пары — три мастерские по 2 часа каждая. Жить можно.

ЗАКОН ГРУППЫ

Теперь в средней школе у нас по 16 человек в классе. Много, особенно для «устных уроков». Конечно, не как в массовой школе, но один неприятный вопрос: как опросить эти 16 человек? В школе-то просто: по очереди к доске и письменный опрос.

К доске не вызываем: пол-урока слушать монологи 3–4 учеников? Да и как остальных заставить сидеть и слушать? Это в школе: учитель повёл бровью — все замерли... Письменный опрос — хорошо, но когда ж говорить, если не на «устных уроках»?

Да, ещё можно «беседовать с классом». Учитель упоенно ведёт разговор с двумя-тремя самыми невыдержанными (не всегда умными) детьми, а остальные?

Выход есть — работа в группах. 5–10 минут на уроке ученики обсуждают вопрос в группах, по 3–4 человека. Эти минуты — самое

толковое время урока! Ученики друг другу пересказывают материал — делают рутинную, но необходимую работу. Потом один человек от группы выходит к доске.

Давайте на примере... Тема — «Отечественная война 1812 года».

1. Начало войны, Бородинское сражение.
2. Французы в Москве.
3. Русский народ и нашествие.
4. Изгнание Наполеона из России

Два варианта — два сценария такой работы.

Первый сценарий. Каждая группа готовит один из вопросов и «докладывает» его. Вариант хороший и проверенный. Есть трудность: другие вряд ли внимательно будут слушать этот рассказ. Но можно озадачить слушающих: допустим, задавать вопросы выступающему. А в конце темы будет зачётная работа по всему материалу. Но всё же трудно через несколько недель воспроизвести то, что услышал из уст своего товарища. А если тот рассказал не очень внятно?

Второй вариант — каждая группа готовит все четыре вопроса: «Через 40 минут вы должны ответить на все вопросы, прочитав 2 параграфа». Группа действует так, как должна действовать в экстремальной обстановке. За несколько секунд определяется лидер, он распределяет работу: «Ты сможешь сделать этот вопрос — тогда это тебе!», «Я подготовлю третий и четвёртый вопросы, а первые два — вам...» 20 минут работают в полной тишине. Каждый читает свой раздел, пишет план. Потом обсуждение: по очереди рассказывают, что прочитали. Не так ли поступают школьники на перемене, за 3 минуты до звонка на урок: «Ты читал параграф? Расскажи быстро...»

Итого? За 40 минут каждый ученик — сильный и несильный — подготовил 2–3 параграфа учебника. Пол-урока он читал сосредоточенно книгу, что-то выписывая в тетрадь. Другую половину — говорил и слушал соседа по парте.

И даже самый «слабый» и неуверенный, выйдя к доске, говорит. Краснея, заикаясь, вытирая пот — говорит! Не говорить стыдно, просто невозможно — это провал всей группы.

За один урок — 2–3 параграфа. Значит, можно всё-таки найти время на изучение документов, чтение энциклопедий, просмотр фильмов. И обойтись без обязательного домашнего задания.

Конечно, если мы сейчас начнём так работать со старшими, будет сопротивление. Некоторым это не понравится. Проще спокойно сидеть и не мешать учителю, который «ведёт беседу» с двумя-тремя претендентами на золотую медаль.

Предчувствую иронию: 20 минут читают, 20 минут обсуждают, 4 человека в группе — вот вам и педагогический рецепт... А если говорить неконкретно, то будете иронизировать, что, мол, опять педагогическую утопию пишете.

А вопрос серьёзный. Ведь обычный урок, когда учитель ведёт фронтальный опрос (идёт фронтом на класс) — то, на чём и держится школа. И даже если мы красиво назовём этот фронтальный допрос беседой, что изменится?

Дело даже не в том, что это потеря времени, что так никого ничему научить нельзя. Как сказал Сергей Леонидович, учитель литературы, после двух часов педсовета (педсовет — тот же урок для учителей): «Я пошёл. Я уже угорел...» «Угорел» — этим словом можно охарактеризовать состояние ученика в школе к полудню, после 2–3 уроков. Отличие от Сергея Леонидовича лишь в том, что он, ученик, не может сказать: «Я пошёл».

И это угар не от трудных задач и длинных упражнений. Угар от вынужденной неподвижности и вынужденного молчания. Урок — это издевательство над природой. Сидеть неподвижно и молчать — неестественно, нефизиологично, невыносимо для здорового человека, тем более для здорового ребёнка. Недаром же карцер — наказание страшнее общей камеры.

Я сгущаю краски? Все мы учились в школе, и не так уж это страшно... Да, но кто тогда думал о том, что возможны другие варианты, альтернативы сидению за партами полдня затылок-в-затылок? Кто думал о том, что в принципе возможна другая школа и другие уроки? А если вариантов нет, то насилие не воспринимается как насилие.

И ничего не стоят наши разговоры о «гуманной школе», о добрых отношениях и развитии способностей, если урок останется уроком. Какие отношения с угорелыми детьми?

Предложенный выше «рецепт» (20 минут читаем учебник, 10 минут обсуждаем, доводим до кипения, слегка помешивая) — я добился своего, если вызвал улыбку. Значит, запомнится.

А таких «рецептов» много. Можно давать вопросы простые — на пересказ; и сложные — на гениальную догадку; можно всем группам предлагать один и тот же вопрос или каждой группе — собственный. На 2 минуты — чтобы взбодрить и пробудить или на пол-урока.

Не могут дети так работать? Сперва надо научить? Конечно, надо! А чем мы ещё в школе занимаемся? Кстати, в первом и втором классе — могут.

ЗАСУЧИТЬ РУКАВА

Рассказывают, что чиновники требуют, чтобы в школах на подоконниках не было цветов, и на стенах ничего лишнего: ни детских рисунков, ни газет. Дескать, и цветы, и рисунки, и газеты — источник пыли и грязи. Забота о санитарном благополучии граждан.

Запрет на разговоры, ограничение передвижения, затылок товарища на расстоянии вытянутой руки, а теперь ещё голые стены. Загадка для взрослых: как называется такое учреждение?

Класс в нормальной школе — это место, где детям удобно слушать учителя и списывать с доски. Поэтому парты стоят в ряд, у доски — учительский стол. На стенах — лозунги, портреты бородатых стариков и дидактические таблицы. И красивые стенды для проверяющих. Всё остальное отвлекает детей!

Интерьер класса — это, может быть, важнее, чем «содержание образования». Ребёнок 8 часов в день находится в классе. Каким этот класс должен быть?

Мебель должна стоять так, чтобы дети могли разговаривать, общаться друг с другом, вместе работать. Поэтому — не удивляй-

тес! — мы сдвинули парты и поставили их «большими квадратами». При необходимости дети могут передвигаться по классу, подходить к стеллажам, другим столам. На стеллажах много нужных вещей: книги, альбомы, кассеты, карандаши, всякие штучки для опытов, карточки по математике, цветная бумага...

И если такой класс можно сравнить с *мастерской ремесленника*, то эти вещи — *инструменты*...

Инструментов должно быть очень много: что-то закупают учителя, что-то приносят из дома дети. Порядок такой, чтобы любую вещь любой ученик мог найти и взять за несколько секунд. Поэтому, кстати, все стеллажи должны быть открытыми. Мы открыли все дверцы у школьных шкафов, чтобы дети увидели, что там лежит, и могли свободно пользоваться этими вещами.

И много детских работ! Газеты, альманахи, рисунки, тексты, макеты... Продолжая аналогию с мастерской ремесленника, эти вещи можно было бы назвать *шедеврами*. Без иронии, шедевры — это результат работы ученика, который становится подмастерьем, а потом и мастером. Стены не должны быть пустыми — у нас не дзэн-буддистский монастырь, где послушники по 6 лет созерцают стену. От голой стены веет школьным холодом. Ученик, войдя в класс, должен видеть результаты своего труда — *это греет*, вызывает прилив сил.

Всякие методические таблицы бывают нужны на один урок. Их можно прикрепить к доске и потом, в конце урока, снова убрать. А портреты великих можно показывать раз в год, чтобы дети отличали Лобачевского от Циалковского.

Ну и, конечно, в классе должны висеть маршрутные листы. Наша учёба — это Кругосветное путешествие на КОВЧЕГЕ. Поэтому у учителя вместо наркомпросовского журнала образца 1954 года — бортовой журнал. А у ребёнка — маршрутный лист: в папке персональный, на стене — общий на класс. Чтобы не сбиться с пути и не сойти с маршрута.

Маршрутные листы, которые висят на стене, должны быть яркие. Формат — пол-лис-

та ватмана или целый лист. Вместо «плюсов» — цветные наклейки, по крайней мере, в начальной школе. Это взрослым кажется, что ерунда, а детям радостно.

И ещё, по крайней мере, в начальной школе у каждого — полквдратного метра площади. Личной. Чтобы поставить корзинку из «ИКЕИ» и любимую мягкую игрушку.

Конечно, не всё надо воспринимать буквально. Важно то, что у нас помещение устроено в принципе иначе, чем в казённой школе. Образцовый с точки зрения школьного инспектора класс: стерильные парты, стулья, пол и стены, всё спрятано и закрыто, а на стенах висят таблицы разбора и формулы многочленов — это *нежилое помещение*. Да, всё должно быть чисто и аккуратно, но не пусто.

У ученика, открывающего дверь в такой класс — класс-мастерскую, должно возникнуть желание засучить рукава и быстрее взяться за работу!

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Саша, студентка 3 курса, рассказывает, что преподаватель по социальной психологии пытался организовать на семинаре работу студентов в группах. Пытался на протяжении двух часов...

Наши первоклассники умеют это делать — работать в группах — к концу первой четверти.

Работа в группе. Мне кажется, это главный вопрос гуманной педагогики. К чему разговоры о гуманизме, если урок остаётся уроком, если ребёнок должен молчать сорок минут? Молчать и не двигаться.

Я не буду говорить о том, что группы — это хорошо. Только технические детали.

МЕБЕЛЬ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

Парты в классах стоят «квдратами» — это обычная расстановка мебели, *по умолчанию*, а не от случая к случаю. Это трудно для учителя. Хочется, чтобы ученики смотрели только на тебя и жадно ловили каждое твоё слово.

Месяца два назад я замещал урок. О замене узнал за три минуты до звонка. Вбегаю — ученики уже сидят: рядами, затылок в затылок, как в школе. Сидят и смотрят на тебя. Захотелось сыграть школьного учителя и провести обычный урок: «Откройте тетради, запишите тему...» Как всё просто.

А когда дети сидят за «большими столами», традиционный урок не пройдёт. Никто тебя не будет слушать больше пяти минут. Нужно думать, как иначе организовать работу учеников.

Кто-то сказал, что тоталитаризм отличается от демократии способом расстановки мебели. По крайней мере, современная школа отличается от традиционной способом расстановки парт.

Мебель определяет сознание.

В ДВУХ РЕЖИМАХ

Возражение по поводу групп: дети приходят в возбуждённое состояние и не могут остановиться... Что ж, надо придерживаться правила: говорить — когда можно говорить, и молчать — когда нужно молчать. Урок проходит в двух режимах: режим «разговора вполголоса в группе» и режим «говорим по очереди». Переключение с одного на другой получается не сразу. Будем тренироваться.

В особо запущенных случаях объявляю о «зачёте за умение работать в группе». Помогает. Иногда честно плачу 5 щепок (внутренняя валюта школы) на группу за «сплочённость». 5 щепок — и два урока спокойной работы без головной боли.

Сильный учитель скажет, что у него и без щепок дети не шевелятся и только мухи летают по классу. Ну что ж... Сильный учитель никогда не согласится на работу в группах. Ему и так хорошо: дети молчат и слушают. Сидят от звонка до звонка, неподвижно.

Кстати, вся «гуманная педагогика» начинается, когда учитель не в силах уже применять силу. Когда опостылело это «всё время против шерсти». Ну как я могу заставить 20 человек сидеть неподвижно и слушать меня 40 минут?

Один лишь раз в этом году я спросил детей: а вообще-то хотите в группах? Вместо ответа был какой-то возглас — я больше не спрашиваю. Ведь ясно всё.

Но всегда есть дети, которые говорят, что не хотят ни с кем, и «будут сами по себе». На самом деле, они-то больше всего и хотят — просто боятся, что их не возьмут в группу.

Решать вопрос *силой*? Или, наоборот, *расслаблять* детей? Агрессивность одних и зажатость других — две реакции на школьный строй. Если строя будет немножко меньше, если будет на уроке чуть «вольнее», то пройдут и зажатость, и агрессивность.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Однако, сдвинутые парты и разговоры — это ещё не работа в группе. Если все решают одну задачку по физике или читают параграф по истории, выкрикивая при этом что-то с места — это просто шумный урок.

Работа в группе — это, прежде всего, объединение усилий и помощь друг другу. Сотрудничество! Чтобы получилось объединение и сотрудничество, нужно сначала разделить и распределить. У каждой группы — своя работа. Разделение труда.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ: РАБОТА В КОМАНДАХ

Первый вариант «разделения труда». Группа работает над темой, ищет ответ на вопрос. И потом один из учеников рассказывает, что получилось. Это не ответ у доски — рассказ о том, что мы нашли и узнали, а другие ещё не знают. Реальная ситуация общения.

Очень похоже на школы Френе и Монтессори. Дети читают книжки, роются в карточках, рисуют газеты — и выступают потом друг перед другом с результатами проекта. Детям любят такую работу. Ещё бы. В школе, на уроке — говорить! И не полминуты, а почти весь урок!

Каждая группа работает над своей темой. Как долго? Могут быть блицвопросы — на пять минут, а могут быть и настоящие «проекты» — на три-четыре урока.

Опасение понятно: каждый будет знать только своё. Не совсем так: рассказать надо так, чтобы поняли все остальные. А все остальные — весь класс — слушают, записывают планы, задают вопросы. И дело учителя — придумать, как потом спросить и проверить.

Условно этот вариант групповой работы можно назвать «работа в командах».

ВТОРОЙ ВАРИАНТ: РАБОТА В ПАРАХ

Второй вариант «разделения труда» — внутри группы.

Допустим, надо изучить текст параграфа на четыре страницы. Группа из двух человек. Делим работу: первый читает 1–2 страницу, второй 3–4 страницу.

Если ученики не привыкли так работать, продвигаемся потихоньку. Вот пять минут говорит один человек — а теперь пять минут — другой. Задача — необходимо, чтобы второй знал материал первого, а первый — второго. Как проверить? Можно кого-то вызывать к доске. А можно просто ходить по классу и слушать, «что они там говорят».

Это метод работы очень напоминает «орги диалог Ривина», «парное обучение». Как говорят его адепты, производительность труда увеличивается в пять раз — дети усваивают в пять раз больше материала. Даже если это преувеличение, плюсы такой организации очевидны: все вовлечены в работу, нет проблем с дисциплиной.

Как выглядит такой класс? Ученики сидят по два человека, каждый что-то тихонько говорит соседу, или диктует, или проверяет работу своего партнёра. Учитель подходит то к одной, то к другой паре, смотрит, слушает, поправляет. Похоже на шахматный турнир.

10 класс. Через двадцать минут нас ждут третьеклассники — рассказываем о жизни первобытных людей. Распределили вопросы, прочитали, рассказали друг другу. Конечно, это не серьёзный проект — просто доказательство того, что за 20 минут можно подготовиться к выступлению практически «с нуля».

Итак, второй вариант — это кооперация не на уровне класса, а внутри группы.

В группах (парах) хорошо прорабатывать простые вопросы: закреплять материал, пересказывать параграфы, решать задачи.

Первый вариант хорош для развития самостоятельности. Второй — для «отработки навыков».

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ: ДУМАТЬ В ГРУППАХ

А если вопросы не простые — а «на подумать»? Можно ли думать в группах? В этом случае один вопрос для всех групп.

6 класс. Завершили путешествие в Средние века. Задание: подготовить пятиминутную речь на тему «Эти странные средневековые люди».

— Можно в виде обращения к средневековому человеку?

— Можно. А можно и как-нибудь иначе — как хотите.

Вопрос не простой — почти творческое задание. Четыре группы — будет четыре разных ответа. Вроде как «разделения труда нет» — задание одно на всех. Но ответы-то разные — значит, слушать друг друга будет интересно.

ТО ВМЕСТЕ, ТО ПОВРОЗЬ...

С «третьим сценарием» всё ясно — прибережём его для творческих заданий. А обычная, рутинная, школьная работа? Как всё-таки лучше: разделить класс на несколько команд, у каждой — своя тема; или вместе работать над одной темой, разбирая материал в парах?

Спросил десятиклассников: «Ну как, вместе будем работать или сразу поделимся?»

Предполагал услышать второй вариант ответа. Думал, скажут: «Мы взрослые и самостоятельные, хотим сами...» Говорят: «Нет, лучше вместе. Это когда мы маленькие были в седьмом классе — тогда хорошо было работать по командам, каждый сидит и делает своё. А сейчас времени нет, учиться надо...»

Конечно, «надо учиться» — это не совсем аргумент, это выражение некоторого беспокойства (учителей), что так, дескать, «про-

грамму не пройдем». Но всё же, они правы: сразу обособляться — это чересчур.

Думаю, время проекта (мастерской) можно было бы делить примерно пополам. Сначала — работаем вместе, потом — каждая группа над *своей темой*.

Своя тема... Мы не просто «работаем», а «работаем над своей темой!» В этом что-то есть, особенно для подростка. Он не задание дома выполняет, а делает *своё дело*.

А «вместе» — ведь тоже необычный урок. «Вместе» — это работа над общей темой, но работа в группах (парах). То есть работа «по второму сценарию».

Честно говоря, опасался, предлагая первый раз старшеклассникам поработать в парах. Кто его знает, как отреагируют. Работа пошла! Сначала каждый читает свою часть материала, потом прочитанное рассказывает соседу. Спокойно, без лишних эмоций, по-деловому.

Если на обычном уроке на обычного ученика приходится полторы минуты времени, то тут каждый ребёнок треть урока говорит, треть — читает, треть — слушает соседа.

Говорит — есть ли лучший способ выучить материал, чем проговорить его вслух?

Читает — не вскользь, как обычно, а серьёзно, чтобы потом суметь рассказать.

Слушает — внимательно, ведь надо будет при случае этот материал суметь пересказать.

Во сколько раз повышается «производительность труда»? В два, три, пять раз?

* * *

Как директор школы, я иногда захожу на уроки. На обычных — учитель говорит, дети «слушают» — больше трёх минут не сижу. Грустно.

Другое дело, когда ученики могут говорить на уроке: или группа из 4–5 человек работает над своей темой, готовит сообщение и рисует газету; или в парах рассказывают друг другу прочитанное; или вместе решают сложную задачу.

То вместе, то поврозь, а то попеременно...

В любом случае на таком «уроке» хочется остаться.

День рождения по пятницам

1

Исходное состояние, обычная школа: «Выпрямили спинки, руки перед собой, слушаем учителя, смотрим на доску, кто хочет сказать — поднимите руку...» Строй!

Чего хотелось бы: каждый ребёнок занимается своим делом — один тихонько читает книжку, другой вполголоса с соседом обсуждает задачку по математике; кто-то рисует газету, а кто-то пошёл куда-то: то ли в компьютерный кабинет, то ли в библиотеку. Каждый занят своим делом и не мешает другому. Как в мастерской.

Как перейти от первого состояния ко второму? Как разрушить строй?

Три года назад я думал, что надо сразу всем «дать свободу»: хочешь посмотреть фильм — смотри; хочешь идти в читальный зал — иди. И это было левацкой ошибкой.

Некоторые дети, правда, всё поняли и начали работать. Есть дети, которые могут спокойно читать книжку, разговаривать шепотом, просто спокойно работать.

Но вот другие. Стас, 6 класс, получив «волю», катается весь урок на стуле на колёсиках в компьютерном кабинете, хохоча и размахивая руками, — радуется. Алёна, тот же класс, забившись в угол: «Ничего я не хочу, скажите конкретно, чего мне делать!» — почти плачет. А отличник Глеб, распластавшись на парте, стонет, что он ужасно устал, что он ничего не хочет, только спать, и рисует какие-то каракули на листочке.

Большинство детей чувствует себя нормально в обстановке жёсткого порядка — жёсткого строя. Они любят «строгих учителей». Там, на нормальных уроках, они послушны и работоспособны. Стасик сидит как первоклассник и поднимает руку, Алёна решает математические задачи третьего уровня сложности, Глеб... — отличник, как было сказано. И строгие учителя торжествуют: у нас-то

на уроках никто не катается на стульях и не рисует каракули, у нас проблем нет.

Проблемы начинаются при попытке даже не сломать, нет — а лишь ослабить строй.

И вот учитель, который хочет по-доброму и по-человечески, столкнувшись с суровой правдой школы, говорит: «Нет, с ними нельзя иначе. Они неменяемы...»

Это так. После нескольких лет школы нормальные дети становятся неменяемыми.

Это серьёзное обвинение школе. Приговор. Школа доводит послушных девочек до истерического плача, активных мальчиков — до истерического хохота. А отличников — до состояния каракуль на листочке.

2

Шоковая терапия не прошла.

Что ж, свободе и самостоятельности надо учить — как учат математике и чистописанию. Медленно, шаг за шагом.

Пятый класс. Русский язык. Катя и Лиза опаздывают на каждый урок. Остальные — в классе в основном мальчишки — приходят заранее, готовятся не спеша, успевают поговорить о своих делах. А эти две девушки опаздывают. Слова, уговоры, разным тоном сказанные, не помогают — приходят на 5 минут позже, доедая булку. (Ну, признаёмся, и со взрослыми так бывает.)

Что делать? «Странный вопрос, — скажет нормальный учитель, — а на что дневник? Пара замечаний, может дело даже и не дойдёт до порки дома. Просто родители поговорят как следует...»

Проخور. Этот не опаздывает, нет. Но по природе своей — скажем мягко, необузданной — молчать на уроке не может. И опять же, нормальный учитель: «Как это ребёнок не может молчать, чему в первом классе учили? Пресечь надо сразу». Не знаю: сечь или пресечь, много есть способов сделать, чтобы ученик «строй держал». Сам я семь лет в школе служил, и не то что не могу, но как-то не хочется.

Да и обстановка урока-то какая: ведь можно говорить с места. Ничего плохого нет,

если Глеб или Кирилл, допустим, два-три раза что-то спросят тихонько. Ведь мы работаем — иногда и поговорить друг с другом надо. Ну этот-то, любимый ученик Проخور, он и 20 и 30 раз скажет — и что ж: «Ты, Глеб, можешь с места говорить, а ты, Проخور, не можешь?»

А вот ещё ситуация. Работаем по парам: один другому диктант диктует. И Настя, и Глеб, и Валера, и Серёжа это делать могут тихо и спокойно. Встают, тихонько пересаживаются. Вполголоса диктуют, не мешая ни классу, ни мне.

А Полина не может. Умная, грамотная и добрая девочка. Но активная — любит поговорить. И вот от радости она начинает смеяться, обсуждать что-то, жестикулировать.

Сотни способов знает нормальная школа, чтобы поставить этих недорослей в строй и научить тянуть носок. Неужели нельзя без этого «раз-два»? Можно.

3

Каждый ребёнок хочет быть взрослым. Так вот, нашей наградой за умение «быть самостоятельным», будет признание его «взрослости».

— Дети, по пятницам у вас будет День рождения. И вы будете получать подарки. Ну не все, конечно, ну посмотрим...

— ???

— Так вот, сегодня вторник, и вы ещё дети. Но те из вас, кто научится до конца недели делать три вещи, могут считать себя взрослыми. Приходить вовремя на урок, держать в порядке папку с листами (они у нас вместо тетради) и не выкрикивать с места.

— А подарки?

— Вы становитесь взрослыми и получаете три взрослых права: право сидеть с кем хочешь, право самостоятельной проверки своих работ и право без спроса, как захочешь, выходить из класса на 5 минут.

— В туалет?

— В туалет...

Взрыв хохота, переходящего в бурные аплодисменты.

Вот счастье, вот права! Ради такого можно и постараться.

Чувствую, как кипит возмущённый разум нормального школьного учителя: свобода ходить без спроса в туалет... Чем озабочен этот учитель? У нас и так дети на урок не опаздывают, и тетрадки ведут.

Что ж, преклоняюсь перед вашим мастерством, дорогие коллеги. А у меня опаздывают, и булку доедают.

Право выходить из класса без спроса «по нужде» имеет, кроме прочего, и глубокое философское значение. С чего начинается школа? С приучения ребёнка к тому, что писать нужно не тогда, когда хочется, а когда разрешено, то есть на перемене.

Следовательно, если человек может «справлять нужду» тогда, когда ему нужно — это уже не школа. Что и требовалось доказать.

4

Прошла неделя. Из 6 уроков Катя и Лиза опоздали лишь на один и страшно переживали из-за этого. Прохор замолчал совсем.

В пятницу отмечали День рождения! Мы стали старше: вчера были детьми — а сегодня уже взрослые. К сожалению, не все: праздник для Кати и Лизы был перенесён на одну неделю, я всё же строгий учитель.

А как насчёт выходов из класса на 5 минут? Где-то к середине недели, Кирилл:

— Рустам ?????, можно выйти на минутку?

— Так взрослые же...

— А да, я забыл.

5

Конечно, есть сомнения: не восстановил ли я тем самым хорошо известную «оценку за поведение»? Тихо сидеть и не драться на переменах. Нет, это что-то другое — скорее, «зачёт за самостоятельность».

Ведь этой самостоятельности учить надо. Не рождается ребёнок с умением самостоятельно. Учить медленно и терпеливо.

Приходит к нам подросток из обычной школы, допустим в восьмой класс. Семь лет он привык молча и неподвижно сидеть. А тут

мы говорим ему: «Можешь пойти в библиотеку книжку поискать, можешь посмотреть видеofilm на компьютере, можешь говорить с соседом по парте вполголоса».

А он не может вполголоса: может только молчать или кричать! Так за что ж ругать его? Не даём же мы первокласснику и восьмикласснику одинаковую задачку по математике. Так и здесь: дети находятся на разном уровне самостоятельности, и требования к ним должны быть разные. А в противном случае мы вынуждены будем всегда подстраиваться под самого неорганизованного ученика и запрещать всё всем. То есть ходить строем.

6

Мысль проста. Одиннадцать лет ребёнок учится в школе. И переходит из одного класса в другой, если выполнил программу по математике, русскому языку. Такая же программа может быть и «по самостоятельности».

Ты научился работать в группе, можешь 20 минут спокойно читать книгу, тихо ходить по классу — ура! Ты поднимаешься на одну ступеньку взрослости. Можешь без просмотра взрослого работать в компьютерном классе — ещё на одну ступеньку. Можешь работать дома по индивидуальному плану — ещё взрослее! И ты получаешь право свободного посещения уроков.

Сколько будет таких ступенек? Как будут называться эти «возрастные группы»? Какие права получает ученик, «взрослея» на один уровень? Конечно, это решать учителю. Может быть, вместе с классом.

7

И последнее. «Зачёты за самостоятельность» — это оружие. И страшно, если это оружие попадёт в руки учителя, который будет использовать его в борьбе за дисциплину на уроке. Дело, повторюсь, не в дисциплине, а в свободе.

Эти «дни рождения» нужны только тому учителю, который не приемлет душой школьную казарму и хочет хоть как-то «дать волю» детям, но понимает, что нельзя просто сказать: «Дети, вы можете делать, что хотите...»

Люди свободными, увы, не рождаются, а становятся. □